

Д.В. Гурин*

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ Г.А. ЛАНДАУ
В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ О. ШПЕНГЛЕРА

В статье рассматривается философия культуры мыслителя русского зарубежья Г.А. Ландау в контексте идей О. Шпенглера, сформулированных в работе «Закат Европы». В центре внимания – «переломная» книга Ландау «Сумерки Европы», в которой переплетаются социально-политические, культурологические и философские концептуальные построения («философология»). Автор полагает, что, несмотря на принадлежность обоих произведений одной эпохе, интенции авторов оказываются разнонаправленными (это отмечает и сам Ландау, и его исторические собеседники). В этом плане особый интерес для современных исследователей-гуманитариев приобретает также концепт «идейный максимализм», с помощью которого Ландау показывает опасность абсолютизации любого философского принципа и воплощения его на практике. Именно «идейный максимализм», по мнению мыслителя, «сгущает сумерки» над европейской культурой.

Ключевые слова: русское зарубежье, философия культуры, Г.А. Ландау, О. Шпенглер, идейный максимализм

Grigori Landau's philosophy of culture in the context of Oswald Spengler's ideas. DMITRY V. GURIN (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The article examines the philosophy of culture of Grigori Landau, a Russian emigrant philosopher, in the context of Oswald Spengler's ideas that he expressed in his famous work «The Decline of the West». The author focuses on Landau's «ground-breaking» book «The Twilight of Europe», which intertwines theoretical constructs of socio-political, cultural, and philosophical nature. The author believes that, despite the fact that both works belong to the same era, the intentions of the authors turn out to be divergent. In this regard, it is interesting to highlight his concept of «ideological maximalism», with the help of which Landau shows the danger of absolutizing any philosophical principle and putting it into practice. According to Landau, it is «ideological maximalism» that «deepens the twilight» over European culture.

Keywords: Russian émigrés, philosophy of culture, Grigori Landau, Oswald Spengler, ideological maximalism

У произведения Г.А. Ландау «Сумерки Европы», вышедшего в Берлине в 1923 г. [4], удивительная культурная судьба. Оно появилось в тот момент, когда всю еще шумели

* ГУРИН Дмитрий Валерьевич, кандидат философских наук, заместитель директора по образовательной деятельности Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

E-mail: dgurin@kantiana.ru

© Гурин Д.В., 2021

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 20-011-00884.

дискуссии о «скандальной книге»¹ О. Шпенглера «Закат Европы», где была предложена оригинальная типология культур (см.: [9]). В интеллектуальных кругах русской эмиграции отмечали их параллелизм и поразительное созвучие названий (причем первенство здесь принадлежит Ландау, книга выросла из статьи 1914 г. с одноименным названием). Первоначально книга Ландау вызвала не очень активную (и при том двойственную) реакцию со стороны русской интеллектуальной эмиграции. Рецензируя ее, Гессен вполне определенно указывает на причины этой двойственности: «...Она слишком индивидуальна, чтобы ее можно было односторонне принять или столь же односторонне отвергнуть» [3, с. 437]. Аналогичные замечания можно обнаружить в работе И.С. Лукаша, отмечавшего: «Ландау не с нами, а как бы перед нами: это фигура будущей синтетической эпохи, которой налицо еще нет» [5, с. 3]. Однако позднее (в 1932 г.) П.М. Бицилли в одной из многочисленных рецензий для журнала «Новый град» упоминает книгу Г.А. Ландау уже как характерную для своего времени [2, с. 92–93]. Между прочим, эти замечания и оценки интеллектуальной значимости книги Ландау свидетельствуют о том идейном контексте, внутри которого русская интеллектуальная эмиграция философски осмысляла исторические перспективы своей переломной эпохи. И как это ни парадоксально, их рассуждения и оценки имеют прямое отношение к современным социально-политическим и философским дискуссиям о кризисе культуры.

Примечательно, что отношение мыслителей русского зарубежья к книге Ландау соответствует тем социально-политическим и культурным реалиям, в которые они были погружены. В 1920-е гг. они еще практически не видели исторических перспектив для Советской России, и реакция на существующую ситуацию и на книгу Ландау была непосредственно жесткая. В 1930-е гг. их отношение стало включать

¹ Выражение Г.Г. Шпета [10, с. 201]. См. также характеристику феномена «Заката Европы», данную К.А. Свасьяном: «Ситуация действительно выглядела вопиющей: в ученой Германии можно было бы представить себе что угодно, но только не внезапность, с которой этот неизвестно откуда взявшийся самозванец одолел непрístupнейшие твердыни самой сакраментальной зоны немецкой мысли: философии культур» [7, с. 13].

в себя элементы обобщенного философствования о перспективах европейской цивилизации (причем философствования в значительной мере утопического, но с элементом трезвой критической оценки сложившихся трендов). И в этом, более позднем историческом контексте, отсылка Ландау к «Закату Европы» Шпенглера приобретала особую смысловую направленность. (Ценность рассуждений Ландау, еще в 1914 г. предвосхитившего «очень многое из того, что впоследствии принесло Шпенглеру его мировую славу» [1, с. 490]², отметил в свое время М.А. Алданов.) При этом надо иметь в виду, что до появления книги О. Шпенглера Ландау опубликовал только одну статью, а книга «Сумерки Европы» вышла уже после «Заката Европы» (1918, 1922). И этот факт делает книгу Ландау уникальным историческим документом, поскольку автор получил возможность рефлексивно отнестись и к своим собственным предвосхищениям, и к концепции Шпенглера. Ведь даже сама близость названий книг Шпенглера и Ландау³ оказалась очень важной для последнего в идейном плане, ибо именно на общей направленности размышлений он выстраивал философско-политические рассуждения о будущем европейской цивилизации.

Ландау осмысляет культуру как нечто, существующее с человеком неразрывно [4, с. 21] (эта формулировка восходит к статье 1914 г.). И поскольку человек постоянно стремится, движется, то и культура может пониматься как некоторое динамическое равновесие разнонаправленных сил [4, с. 330]. В таком определении культуры, конечно, просматривается влияние Гегеля⁴. Г.А. Ландау различает две стадии культуры: критическая, где доминируют центробежные силы, и органическая, в которой силы стремятся к центру, противодействуя разрывам. «Отсюда в одном идет более могучее творчество, в другом более сплоченной является общая согласованность, в одном – ярче игра частей, больше свободы и борьбы, партикуляризма и индивидуализма, в другом больше связности, постоянства, универсализма и единства, меньше движения и больше покоя» [4, с. 332]. Эти стадии варьируются от народа

² См. также оценку Ф. Степуна: [8, с. 181].

³ В оригинале работа О. Шпенглера называется дословно «Упадок Запада», но в русских переводах книги было принято воспроизводить название «Закат Европы».

⁴ См. об этом: [6, с. 103].

к народу, но в каждой культуре доминирует какая-то одна из них. Новоевропейская культура, по этой квалификации Ландау, относится к критическому типу. Именно в том, как определяет культуру Ландау, заключается отличие его концепции от шпенглеровской, ограниченность которой в определении культур как взаимнепроницаемых единств он отмечает. Приведу показательное рассуждение Ландау о концепции Шпенглера: «Гибель Европы от собственной греховности и слабости, от порочности и истощенности – мало общего имеет с представлением о конце европейской культуры в силу ее завершенности, в силу законченности ее внутренней эволюции, как эта мысль с чрезвычайной силой выявлена в шпенглеровской концепции. Я упоминаю ее здесь, чтобы ее отвести. По названию и по внешности как будто всего теснее примыкающая, она на самом деле менее всего имеет сюда отношение. Пожалуй, можно даже сказать, что кажущееся оправдание ее на послевоенном падении на самом деле является ее (может быть временным) опровержением» [4, с. 305].

Различие концепций проявляется даже в избранной стилистике выражений для характеристики сложившегося в Европе положения дел. В «Сумерках...» описывается кризисная ситуация, ведь все противоречия и конфликты новоевропейской культуры все же являются показателем ее силы, и при определенных исторических обстоятельствах она может послужить основой для возрождения культуры на высоком с точки зрения качества уровне. «Закат» для О. Шпенглера – это неотвратимый процесс, ведущий к гибели: «...Символом писателя наших дней останется образ того телеграфиста, который на безнадежно погружающемся в пучину “Титанике”, в захлестываемой волнами кабине не отходил от своего беспроволочного аппарата, рассылая в пространство, может быть и пустое, весть о гибели и призыв к спасению» [4, с. 372].

Важной составляющей взглядов Ландау является общая политическая характеристика происходивших в Европе процессов, которая соотносится с его концепцией философии культуры. Именно в рамках этой концепции он в своей книге обсуждает проблемы и перспективы европейской цивилизации. И именно с этой позиции он проводит линии размежевания с концепцией Шпенглера: «...Культурная истощенность в смысле Шпенглера несколько

не предполагает внешнего государственного, социального, бытийного падения, а наоборот предполагает в этих отношениях расцвет. И таким образом для того, чтобы *Untergang* Европы в смысле Шпенглера осуществился, необходимо, чтобы она вышла и преодолела свой нынешний послевоенный *Untergang*. Культурная истощенность по Шпенглеру дает не государственный упадок, а государственную мощь» [4, с. 305–306]. И на мой взгляд, именно благодаря тому, что в поле размышлений о будущем Европы имманентно присутствует эта социально-политическая составляющая, важнейшим концептуальным ориентиром для Ландау становится его оценка той роли, которую в истории как России, так и Европы в целом сыграл, как он выразился, «идейный максимализм». Критике этого феномена он уделяет особое внимание, а целью своего труда, его практической ценностью считает прежде всего осознание разрушительности этого максимализма.

Замалчивать этот факт недопустимо, настаивал Ландау, хотя при этом «задевать приходится составные части и факторы той самой европейской культуры, которую любишь и которой дорожишь» [4, с. 8]. Ведь «сумерки опускаются над Западом» [4, с. 31], и свидетельство тому – страшная (Первая мировая) война, которая разразилась как раз там, где становился материальный и духовный мир современного человека, где сложилась культура, претендующая на общечеловеческую значимость. И потому последствия этой войны будут особенно разрушительными в духовном плане для всего человечества. Ландау был «западником», т.е. рассматривал западноевропейскую культуру как вершину развития человечества, ибо она поставила в центр «самодовлеющую человечность» [4, с. 16]. Но в контексте обсуждаемой темы важно подчеркнуть другое. Как полагал Ландау, проникший в эту культуру максимализм, связанный со стремлением воплотить идеал, породил ее внутреннюю проблемность. В данном случае пацифизм, борьба за вечный мир стали стимулом и основанием войны.

Трудно не согласиться с рассуждением Ландау на этот счет. Наверное, для любой культуры, а тем более для культуры, считающей себя «продвинутой», стремление максимально воплотить свои идеалы чревато проблемами, порождающими такого рода инверсии. «В этом самоощущении, когда все кажется возможным

и достижимым, когда человек чувствует себя в уровень со всякой задачей, когда поставить проблему для него уже значит – и разрешить ее, – хотя бы и не сейчас, не сразу, а только рядом последовательных приближений, в этом ощущении уже и заложена тяга к максимализму передовых по культуре народов и людей» [4, с. 56].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алданов М.А. Рец.: Д. Мережковский. Тайна Запада. Атлантида – Европа. Белград, Русская библиотека // Современные записки. 1931. Кн. XLVI. С. 489–491.
2. Бицилли П.М. Рец.: Bertrand de Jouvenel. Vers les Etats-Unis d'Europe. Paris, 1930, G. Valois (Bibl. Syndicaliste, xxi) // Новый град. 1932. № 4. С. 92–93.
3. [Гессен С.И.] Sergius. Рец.: Григорий Ландау. Сумерки Европы. Книгоиздательство «Слово». Берлин, 1923. 374 с. // Современные записки. 1923. Кн. XVI. С. 436–444.
4. Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923.
5. Лукаш И.С. Эпиграфы // Возрождение. 1930. 22 мая. С. 3.
6. Повилайтис В.И. Философия культуры Григория Ландау // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 101–108.
7. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. С. 5–122.
8. Степун Ф.А. Москва и Петербург накануне войны 1914 г. // Новый журнал. 1951. Кн. 27. С. 169–201.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998.
10. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2006. С. 175–287.

REFERENCES

1. Aldanov, M.A., 1931. Rets.: D. Merezhkovskii. Taina Zapada. Atlantida – Evropa. Belgrad, Russkaya biblioteka [Dmitry Merezhkovsky's «Mystery of the West: Atlantis-Europe»: a review], Sovremennye zapiski, no. XLVI, pp. 489–491. (in Russ.)
2. Bitsilli, P.M., 1932. Rets.: Bertrand de Jouvenel. Vers les Etats-Unis d'Europe. Paris, 1930, G. Valois (Bibl. Syndicaliste, xxi) [Bertrand de Jouvenel's «Vers les Etats-Unis d'Europe»: a review], Novyi grad, no. 4, pp. 92–93. (in Russ.)
3. [Gessen S.I.] Sergius, 1923. Rets.: Grigorii Landau. Sumerki Evropy. Knigoizdatel'stvo «Slovo». Berlin, 1923. 374 s. [Grigory Landau's «Twilight of Europe»: a review], Sovremennye zapiski, no. XVI, pp. 436–444. (in Russ.)
4. Landau, G.A., 1923. Sumerki Evropy [Twilight of Europe]. Berlin: Slovo. (in Russ.)
5. Lukash, I.S., 1930. Epigrafy [Epigraphs], Vozrozhdenie, 22 maya, p. 3. (in Russ.)
6. Povilaitis, V.I., 2011. Filosofiya kul'tury Grigoriya Landau [Grigory Landau's philosophy of culture], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 101–108. (in Russ.)
7. Svas'yan, K.A., 1998. Osva'd Shpengler i ego rekvie'm po Zapadu [Osvald Spengler and his requiem for the West]. In: Spengler, O., 1998. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. 1. Geshtal't i deistvitel'nost'. Moskva: Mysl', pp. 5–122. (in Russ.)
8. Stepun, F.A., 1951. Moskva i Peterburg nakanune voiny 1914 g. [Moscow and Saint Petersburg at the eve of the war in 1914], Novyi zhurnal, no. 27, pp. 169–201. (in Russ.)
9. Spengler, O., 1998. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. 1. Geshtal't i deistvitel'nost' [The decline of the West. Vol. 1. Form and actuality]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
10. Shpet, G.G., 2006. Esteticheskie fragmenty [Aesthetic fragments]. In: Shpet, G.G., 2006. Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury. Moskva: ROSSPEN, pp. 175–287. (in Russ.)